

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №19 2023 ГАЗЕТА

Михаил Сиванков / Долган

СИВАНКОВ Михаил Семёнович

Член Союза писателей России. Родился 12 ноября 1969 года в городе Якутске. Выпускник Якутского командного речного училища 1990 года. В 1990-м призван на Тихоокеанский военно-морской флот. С 1993-го по 2009 годы проходил службу в Уголовно-исполнительной системе. Член Русского географического общества, автор литературно-патриотического проекта «Вечный огонь» экспедиции школьников г. Ленска по местам боевой славы в Старый Оскол, посвящённой памяти Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Публиковался в российских и республиканских журналах, таких, как: «Российский колокол», «Дальний Восток», «Полярная Звезда», «Байанай», «Родная Кубань», «Подъём», «Сибирь». Автор романа «По ту сторону», мистической повести о шаманах «Долган», повести «Степной ковыль». Живет в г. Ленске Республики Саха (Якутия).

Профессия? Писатель

Писатель. При этом слове многие представляют себе человека, сидящего за старомодной пишущей машинкой или за компьютером с чашечкой горячего чая где-нибудь в подмосковном Переделкино. Милая, красивая картинка. Увы, такое представление о писателе, творце, призванном «глаголом жечь сердца людей», сформировалось ещё в советские времена и дожило как стереотип до наших дней. К сожалению, понятие «писатель» при Советском Союзе и понятие «писатель» сейчас — далеко не одно и то же. В первом случае писатели — властители дум, люди, уважаемые обществом и власть имущими; их ценят, к ним прислушиваются. Сегодня же положение писателя — как материальное, так и правовое — весьма плачевно. Что уж тут говорить, в современном законодательстве до сих пор нет такой профессии — писатель. Вот как бы и не профессия это. А если не профессия, то никаких тебе гарантий и поддержки от государства.

С инициативой решить набравшие проблемы отечественных писателей выступила Либерально-демократическая партия России, под чьей эгидой в начале сентября в Центральном Доме литераторов состоялась Всероссийская писательская конференция. Председателем

и ведущим конференции выступил член Союза писателей России, писатель и публицист Анатолий Салуцкий, координатором — писатель Дмитрий Поляков-Катин. В президиум вошли также Михаил Арзаманов, заместитель директора Департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Минцифры России; представитель от Минтруда России Марина Маслова; заместитель председателя Национальной ассоциации драматургов Алина Полякова.

Необходимость закона о статусе писателя, в котором будут прописаны как социальные, так и правовые гарантии подчеркнул в своём выступлении председатель Общественного движения «Культурный фронт России» Николай Бурляев. Он коснулся такой проблемы, как составы экспертных советов при Министерстве культуры и Министерстве цифрового развития РФ, которые сейчас без особого успеха «заведуют литературой» в нашей стране.

Проблему прав писателей в современной России осветил профессор МГУ Иван Панкеев. Он напомнил, что вопрос о статусе писателя дискутировался в Госдуме ещё восемь лет назад, но тогда дальше дискуссии дело не пошло, и сейчас есть острая необходимость решать вопрос в расширенном фор-

мате, включая пересмотр реестра профессий, трудового законодательства и соблюдения издателями норм авторского права, создание унифицированного определения самого понятия «писатель», выработку критериев определения самого статуса и пр.

Теме взаимодействия писателей и издателей в современном литературном процессе посвятил своё выступление главный редактор издательства «Вече» Сергей Дмитриев.

С гордостью отмечаем, что на конференции в главном писательском доме страны выступили ведущие авторы и нашего издания. Прежде всего это А. С. Салуцкий, автор замечательных романов «Из России с любовью» («РГ» № 23, 24-2007) и «Немой набат» (№ 5-2020 и № 9-2021).

У «открытого микрофона» конструктивно, с чёткой гражданской позиции выступили наши коллеги, прозаики и публицисты Александр Орлов, Андрей Тимофеев, Николай Иванов, Александр Евсюков, Святослав Рыбас, Иван Сабилло, Александр Сегень, Сергей Сибирцев.

Дай Бог, чтобы диалог писателей и представителей власти не пропал втуне, а сочетание «профессия — писатель» вновь зазвучало социально значимо.

Е. В.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2023 №19 /1936/ Основана в 1927 г.

Михаил Сиванков

Долган

Повесть

Часть I. «Долган»

Промаявшись четыре с лишним часа на жестком сиденье «уаза», Семён Шалыгин наконец-то добрался до места своего назначения. Затерявшийся в таежной глуши небольшой поселок Бердигестях располагался в двухстах километрах от Якутска. Дорога к нему, разбитая тяжелой техникой, со спусками и подъемами, утомила Семёна. Глядя на мелькающие за окном пейзажи, он и не заметил, как задремал. Проснулся, когда машина быстро побежала под гору, а внизу за верхушками деревьев замаячили крыши. Старенький автомобиль, покрытый толстым слоем грязи, под которой местами проглядывала темно-зеленая эмаль, рыча и захлебываясь, помчался по широкой улице. Проскочив меж приземистых барачков, он затормозил перед домом внушительных размеров с яркой вывеской «Сельсовет» и алым полотнищем на коньке крыши. Водитель заглушил двигатель. Пыль, что всю дорогу настойчиво пробивалась в кабину, наконец-то рассеялась, оставаясь горьким привкусом на языке и песком поскрипывая на зубах.

Семён вылез из машины и, разминая затекшую спину, потянулся. Он сразу почувствовал необыкновенный запах тайги. Воздух здесь был настолько прозрачен, весом, что, казалось, к нему можно было прикоснуться, потрогать, как начищенный до блеска хрусталь. Вечерело, далеко за тайгой, играя бликами на макушках лиственниц, угасал нежно-розовый закат, а нетерпеливый месяц уже взобрался на небосвод и улегся на единственную тучку. Легкая дымка вечернего тумана тянулась с маленькой речушки Матгы. Поднимаясь над крышами тонкой пеленой и сливаясь с дымом из печных труб, медленно разливалась, создавая в воздухе причудливые картинки, будто огромный великан из якутских олонхо курил где-то неподалеку большую трубку, не спеша выдыхая сизый дымок. Семён отряхнул одежду, стянул с заднего сиденья вещмешок и направился в сельсовет.

На крыльце его встретил коренастый якут лет тридцати, с широким, скуластым лицом. Щурясь, он окинул приезжего пытливым взглядом:

— Добрый вечер. Я председатель сельсовета. А вы товарищ Шалыгин?

— Он самый и есть.

— Ну, проходите, располагайтесь. Мы вас сегодня уже и не ждали. Связи с Якутском нет! Решили, что вы завтра к обеду придете.

— С техникой возникли проблемы, вот и задержались. Время сейчас дорого, на дворе конец августа, не сегодня-завтра морозы ударят. Темнеет рано, еще не вечер, а сумерки уже скатываются!

Семён последовал за женщиной в правую половину здания, душно натопленную аккуратно сложенной печкой-голландкой, кинул вещи у двери и приложил руки к горячим кирпичам.

— Да, — согласился председатель, снимая с плиты чайник, — у нас всегда холодней, чем в Якутске, и снег раньше выпадает, мы ж, получается, в горах... Попробуйте нашего чайку, на местных травах заварен, — предложил он, с гордостью разливая напиток, аромат которого мгновенно заполнил комнату.

Гость прошел к начищенному до блеска медному умывальнику, стянул вязаный свитер и, не жалея воды, обмыл просоленное потом тело, достал из вещмешка чистую рубаху и надел ее заправляя.

— Спасибо, что побеспокоились! — присаживаясь к столу, поблагодарил Семён и вдруг легонько хлопнул себя рукой по голове: — Что же это я! Со всем с дороги ничего не соображаю, вы уж простите! Будем знакомы — Шалыгин Семён Антонович, можно просто Сеня.

Якут застенчиво улыбнулся и крепко пожал протянутую руку:

— Макаров Давид Давыдович!

— Ну что ж! — потирая ладони, произнес Семён, с любопытством разглядывая выставленные блюда, при виде которых рот невольно наполнялся вязкой слюной. В центре стола на плоской алюминиевой тарелке лежали куски вареного мяса, тут же жеребчий жир — оягос и больших размеров жареные карасы, чорон с желто-коричневой деревяшкой сметаной, про которую в Якутске ходили легенды, красовался рядом с крупно нарезанными кусками хлеба. Такая простота и изысканность поразили городского жителя. Еще пару дней назад у себя в Ленинграде он не мог и мечтать о таком. Прежде ему командировки дальше Урала не выпадали, а тут на тебе! Прямо в Якутию.

— Да это кого же вы ждали? Не самого ли?.. К такому столу, я извиняюсь, без ста граммов и присаживаться грех! — Тут гость лукаво подмигнул и запустил руку в карман галифе. Вынул старую солдатскую фляжку и радостно потряс: — Ну а как насчет аргы? Чистый, медицинский!..

— А почему бы и нет! Только сперва налейте, пожалуйста, в одну! — доставая из серванта две бронзовые стопки, смущаясь, попросил Макаров. Затем отщипнул по кусочку от каждого блюда, положил все на краюшку хлеба и подошел к печи. Открыв дверцу, он бросил угощение на горящие поленья и, тихо шептывая что-то вроде заклинания, плеснул из стопки на огонь. Пламя метнулось наружу, как преданная лайка, облизнуло руки Давида в благодарности за лакомый кусочек с хозяйского стола. И тут печь словно ожила, будто очнулся внутри дремлющий дух: загудел, запел низким баритоном и, вкушая дары, заплясал меж раскаленных камней.

У Семёна мурашки побежали по телу, он всегда был убежденным атеистом, но в этот момент не мог отыскать разумного объяснения происходящему.

Заметив изумленный взгляд гостя, Давид разъяснил:

— У якутов обычай: прежде духов накормить, аргы угостить, а то они обидятся и не станут помогать, тогда совсем худо будет!

— Ну а сейчас?! — поинтересовался Шалыгин. — А сейчас-то духи довольны?

Председатель в ответ радушно улыбнулся:

— Еще как! Дух подарок принял и в дороге поможет: ни зверь, ни человек тебе не воспрепятствует!

— А вот за это духам твоим огромное спасибо! — с облегчением выдохнул Семён.

Опрокинув по маленькой, принялись за ужин. Гость был в восторге от якутской кухни, он с наслаждением уплетал дары богатой северной земли.

Рано утром Шалыгина разбудил лай собак. Скинув мягкую медвежью шкуру, он потянулся и громко зевнул. На столе его уже ждал чорон с молоком и хлеб утренней выпечки, запах которого навевал воспоминания из его далекого послевоенного детства.

Выглядел Семён старше своих тридцати двух, казался более представительным, а седина, что посеребрила виски, придавала ему солидности. Семён умылся и принялся за завтрак. Из головы никак не выходил вчерашний обряд. Вспомнилось, как перед отъездом начальник бригады электромонтеров Цыпанюк рассказывал, что, якобы, бывал в этих краях, нечистые, говорил, там места! Пошучивал, мол, у него на родине подо Львовом колдунья да ведьмы просто дети малые против якутских шаманов. В довершение еще и разных страстей рассказал, впору хоть от поездки отказывайся. Однако подводить начальство Шалыгин не мог, не такой он был человек, да и ему ли, что и в Бога-то не верил, бояться какой-то нечистой силы? Нет, не возьмут его за душу и не запугают рассказы Цыпанюка про шаманов и местных оборотней.

— Утро доброе! — отвлек Семёна от раздумий смуглый парнишка, что как призрак появился в дверях и тарашился на топографа огромными черными глазами. Низенький, щупленький, на вид лет десяти, с аккуратным личиком и тонкими, словно нарисованными, губками он совсем не походил на якута, хотя акцент говорил об обратном. Мальчишка проскочил к печи, бросил охапку дров и присел на корточки.

— Доброе, доброе! А ты чего там сел, давай сюда, позавтракай со мной! — предложил пареньку Шалыгин, но тот, насупившись, завертел головой. — Ну, смотри! Второй раз не предложу! — смакуя кусок хлеба, промямлил Семён. Парень по-детски открыто рассмеялся, наблюдая, как незнакомец, словно хомяк, надувает щеки.

Дверь отворилась, и в дом вошел Давид.

— Утречка доброго! — улыбнулся он, прошел к столу и устроился напротив Семёна. — Приятного аппетита! Хлеб с печи, молоко утренней дойки! У нас обычай, сам за стол не садись, покуда гостей не накормишь. Законы гостеприимства мне еще дед заве-

шал, отца-то я плохо помню, он у меня учителем был, а как ушел на фронт, так и... Вообще любили мои родители друг друга, мать, когда похоронку получила, захворала, слегла и вскоре умерла. Я с дедом остался, он меня и воспитал. Ну, об этом потом! Нашел я проводника по тому маршруту, что вы мне вчера на карте показали, еле уговорил старика долгана. Завтра с утра и выдвигайтесь!

— А что за долган? — поинтересовался Семён у Макарова, тот кивнул на паренька: — Дед его. Лучше старика никто по тайге не проведет. Он и угодя все знает, и зимовья, где какая рыба, какой зверь да птица, с ним не пропадете! Вот только с русским у него неважно, но это поправимо, я с вами Тёмку отправлю! — подмигнул мальчишке Макаров. — Коней мы достали, продукты, шкуры, все, что нужно, до холодов обернетесь!

— Дай-то бог! — тяжело вздохнул Семён, то ли от глубоких раздумий о предстоящем путешествии, то ли от того, что съел весь завтрак.

Темка подскочил и, одернув безразмерную куртку, пулей вылетел из избы.

— Шустрый! — подметил Семён.

— Да! Весь в деда! Сколько себя помню, столько старик здесь и живет. Жена его при родах умерла, остался он с крошечной дочуркой на руках. Девочка на моих глазах росла, красавица, что тут скажешь, всем хороша, радость охотнику и подмога на старости лет. Да только не углядел он, спуталась Сардана с русским шабашником и уехала. А тут еще одно несчастье на старика свалилось: сына старшего медведь на охоте подрал. Здорово бедняге досталось, умер Айтал от ран прямо в тайге. Долган сразу почувял, не простой это зверь, а дух во плоти! Следом кинулся за медведем и настиг-таки, схватились они, косолапый хоть и помял охотника изрядно, но шкурой за сына поплатился! Не успела у старика рана на сердце затянуться, как заявила Сардана, да не одна, а с сыночком — Тёмкой! В ноги отцу бросилась, покаялась, сердце родительское и оттаяло. Старик на радостях раненько поднялся, к завтраку из свежих сливок керчеха наготовил, пошел будить любимицу, глядь, а ее нет, мальчонка в кровати посапывает и записочка на подушке — прости, пишет, меня, отец мой родимый, но встретила я любимого человека, родила дочь, а Темка обуза мужу новому! Вот так и выходит, сына на благополучие свое и променяла! Внушок смышленный вырос. Прикипел к нему старик всем сердцем, и мальчонка к деду привязался. Они и на охоту, и на рыбалку вместе, их так и зовут — два деда, по-якутски «икки огоньор».

— А вот ты тут обмолвился, что сына долгана злой дух задрал? — С нескрываемым любопытством переспросил Семён.

Давид, не желая обижать гостя, отмахнулся:

— Ну, это вам, наверное, неинтересно!

— Ну почему же, напротив! — настаивал Семён.

— Ладно, слушай! — сдался под напором Давид. — Постараюсь тебе объяснить! У русских есть

колдуны, у нас шаманы, то есть люди, избранные духами. Они бывают разные — сильные и слабые, добрые и злые. Существует поверье, что, когда приходит время показать силу, обращаются они в разных животных и рыскают по земле в облике дикого зверя или птицы, но распознать его может лишь равный ему. Доказывая свое превосходство, сходятся они в поединке, и идет между ними битва, в которой побеждает сильнейший! Душа поверженного шамана — «ёр» будет блуждать по земле в зверином облике, но так и не сможет проснуться в своем ложе и вернуться в тело! Разгневанный и обезумевший, будет он бродить таежными тропами, сметая все на своем пути. С таким и повстречался сын долгана. Медведь напал на него летом, когда еды много было, заломал его и выел печень, хотел, видно, свой прежний плотский облик принять. Насытившись кровью человеческой, зверь взревел от ярости, что не вернулось к нему прежнее могущество. Долго «ёр» водил старика по тайге, но непросто обмануть охотника, у которого чутье волка. Настиг долган медведя и убил. За это разгневанные духи наказали его, лишили глаза. Коготь того медведя-оборотня долган как амулет по сей день на груди носит.

— Интересно! А почему ты его постоянно этим, как его, долганом называешь? Имя это или фамилия? Мне-то как его звать-величать?

Давид задумался:

— Долганы — это народность, жили когда-то на территории Якутии, честно говоря, я и сам не шибко в этом разбираюсь, знаю, что вроде бы что-то близкое к тунгусам. Да ему без разницы, хоть как называй, только не собакой! Фамилия его Бульчут, а зовут... да знаешь, я и не помню, честно говоря! Но все называют его суор — ворон-одиночка, он и не возражает. Внука вы его видели, дед ласково называет мальчишку харангаччик, ну вроде как маленькая, шустрая птичка!

— Ну, это как же?! — возразил председателю Семён. — Что же я, старого человека, который один в тайге медведя убил, буду какой-то вороной называть?

— Не вороной, а вóроном, это совершенно разные вещи! — поправил Семёна Давид. Такое сравнение обидело собеседника, но он не показал виду. — И вообще, у якутов суор — это почтительно, как у русских мудрец. Но, если хотите, можете звать его — Огоньор, это очень уважительно для пожилого человека!

— Ладно, разберемся!

— Да ты не волнуйся! — воспользовавшись короткой паузой, сменил тему Давид. — Я обо всем распорядился, а ты отдыхай, путь не близкий, не на день идешь, надо сил набраться.

Едва он договорил, как в избу влетел высокий мужчина, русский, со светлой шевелюрой и рыжей реденькой бородкой. Мешковатый свитер придавал ему вид богатыря из былинных преданий. Приветливо улыбаясь, он стянул у порога высокие кирзо-

вые сапоги и вежливо поздоровался: — Будем знакомы — Черных Владимир, геолог!

— Очень приятно, — ответил Семён. Судя по тому, как по-свойски держался Черных, нетрудно было догадаться, что здесь он был частым гостем. Бесцеремонно отхлебнув из чорона, он присел к печи и, прикурив от дымящейся головешки, глубоко затянулся.

— Уважаемый, тут вот такая ситуация. Моя группа находится недалеко от реки Синеи, как раз по вашему маршруту. Я неплохо говорю по-якутски. Составлю вам компанию и, поверьте, не обременю своим присутствием. К тому же старика и Тему я хорошо знаю, да и они меня. Ну, как вы на это смотрите?

Давид смутился под колким взглядом Шалыгина:

— Это я ему про ваш маршрут рассказал, а он мне помог старого долгана уговорить.

— Да ладно вам, — улыбнулся Семён, — оно и в самом деле веселее будет! Путь неблизкий, а старик, по вашим словам, собеседник неважный! К тому же миссия у меня не правительственная и секретов нет.

Часть II. Дорога к хребту

— Нуучча, вставай, вставай! — с любопытством разглядывая небритое лицо, тормозил Темка гостя. А когда тот приоткрыл глаза, испуганно отскочил в сторону. — Нуучча, солнце уже высоко! — указал парнишка на окно, сквозь которое в комнату прокрались две длинные полоски света и растянулись на полу, словно ленивые коты.

— Уже встаю! — пробормотал Семён.

— На улице подождем, жарко тут! — протараторил Артем и побежал к выходу, где столкнулся с Владимиром.

— Разобьешься! — весело прикрикнул тот. — Как спалось, уважаемый? Как настроение?

— Да как и положено! — нехотя ответил Шалыгин, направляясь к умывальнику.

Семён наскоро привел себя в порядок, натянул сапоги и влез в свой толстый шерстяной свитер. Аккуратно сложив в подсумок карту, компас и карандаши, он широко улыбнулся:

— Ну что! Поехали! Перед дорогой я обычно не завтракаю, где-нибудь на привале перекусим, как вы на это смотрите?

— Я-то положительно. А вот проводник наш! По роду своей деятельности я нередко тут бываю и скажу вам: от старика можно ожидать чего угодно!

— А уж это доверьте мне! — Семён хлопнул по галифе, где уместилась фляжка со спиртом. Взвалив на плечи походный рюкзак, он еще раз огляделся и, толкнув дверь коленом, шагнул за порог.

Утро было прохладное. Семён на несколько секунд закрыл глаза и глубоко вдохнул свежий воздух, словно хотел напиться им, как глотком чистой воды из холодного источника. Возле дома он увидел ма-

ленького старого якута, тот гордо восседал верхом на красной кобыле и, прищутив единственный глаз, недовольно покачивал головой:

— Эй, ехать нада! Конь стоять не можно, спать нуучча шипка любить!

От неумелой речи деда Темка залился звонким смехом. Держась за живот, он едва взобрался на своего черно-белого жеребца. Старому долгану это не понравилось, грозно сдвинув брови, он что-то пробурчал, отчего внук еще пуще зашелся, но, не желая гневить деда, уткнулся лицом в густую конскую гриву.

— М-м, твоя конь! — кивнул проводник на невыюченную белую кобылу, что без конца мотала головой, словно приветствуя гостя. Едва тронулись, старик повернулся к Черных и что-то тихо сказал.

Семён, подшпорив лошадь, поравнялся с Владимиром:

— Что он тебе говорил?

— Велел, чтобы мы ехали позади и коней не гнали, они сами пойдут! — спокойно пояснил Черных и потянул вожжи.

За поселком свернули на просеку. Шалыгина очаровала девственная красота дикой природы, он ощутил легкое дыхание леса, насыщенное ароматом смолы и хвои. Вокруг стояла тишина, она давила на уши, и если бы не треск сучьев под широкими копытами якутских лошадей, то можно было бы в ней оглохнуть. Поражало бесчисленное количество грибов, лес был устлан ими, словно ковром, большими и маленькими, ярко-желтыми, коричневыми и темно-красными.

Заметив восторг в глазах ленинградца, Владимир как бы между делом произнес:

— Это маслята! В этом году их много, хотя пару лет назад их было, без преувеличения, столько, что хоть косою коси!

— Слушайте! Но неужели якуты не едят грибы? Почему не заготавливают, смотрите, сколько пропадает! — с досадой протянул Семён, на что его бородатый попутчик дал исчерпывающий ответ:

— Ну почему же не едят, очень даже едят. Но смею вас заверить: якуты, в отличие от наших русских братьев, не столь жадны, ну, по крайней мере, пока. Так вот, о чем это я? Ах да, грибы — это, конечно, хорошо, якуты, прежде всего, едят их потому, что их можно есть, однако не забывают и о лесных обитателях: белках, бурундуках и прочей живности, которым не пережить суровую зиму без заготовленных припасов. И все же местные жители предпочитают грибам мясо, рыбу, птицу. Вы не поверите, я был однажды в одной местной деревне, и меня пригласили на жареных карасей. Знаете ли, я с одним едва справился, сплошные кости, и причем очень острые, а вот ребенок лет трех-четырёх съел его вместе с головой, обсосал все косточки и даже не поперхнулся!

— Удивительно! Да, кстати, хотел спросить, а что Темка так хохотал у сельсовета?

— Ну, — скрывая улыбку за густыми усами, неохотно начал Черных. — Во-первых, вырос Темка

все же на русских дрожжах, ему смешно, как дед язык коверкает, вот старик ему и пригрозил, чтоб замолчал, а ко всему прочему добавил: «Зачем черту в тайге проводник нужен, если он сам в лесу хозяин!»

— Это он о ком? — озираясь по сторонам, насто- рожился Семён.

Владимир смутился, видимо, сожалея, что пере- вел фразу дословно, но, понимая, что ответить все же придется, кивнул на собеседника:

— О вас!

— Как это?! — еще более растерянно переспро- сил тот, не сводя с Черных округлившись от удивле- ния голубых глаз.

— А так. Видите ли, по преданию якутов, злые духи, черти и прочая нечисть живут в лесу. Вот толь- ко выглядят они не как наши — черные, с рогами и копытами, а напротив, — белокуры, белолицы, с большим носом и обязательно голубоглазые.

Семён с облегчением перевел дыхание:

— Ну, спасибо, успокоили! Скажи, Володя, а в шаманов ты веришь?

Черных пожал плечами.

— Тут, знаете, можно верить, можно не верить, но они реально существуют.

— Ты на самом деле так считаешь?

— А что тут такого? — равнодушно продолжил тот. — У нас же есть ведьмы, ну и всякая там нечисть, и независимо от того, видели мы ее или нет, мы же верим в нее? Верим! То же можно сказать и о Боге. Зачастую мы утверждаем, что Бога нет, однако, слу- чись беда или привидится что-то, крестимся и про- сим у него помощи! Правда, в действительности ша- манов очень немного, я видел всего троих, двое так себе, а вот третий — зрелище не для слабонервных! От старца даже какая-то мощная энергия исходила. Мне посчастливилось услышать множество историй в разных местностях, я все стараюсь записывать, на- копилось уже на целую книгу!

— Так, выходит, шаманов истребила советская власть?

— Нет, что вы! Советская власть только заверши- ла давно начатое, а случилось это гораздо раньше, после крещения якутов. Когда они приняли хисти- анство, открылась «охота на ведьм», шаманов стриг- ли, избивали, сжигали их дома и изгоняли из поселе- ний. Но, даже после крещения, якуты не перестали быть язычниками!

— Как это?

— Просто. Уничтожая шаманов, коренные жите- ли все еще верили в их могущество. В отдаленных се- лениях, необразованные, забитые, они боялись все- го неизведанного, того, чего не могли объяснить! Болезни и моры приписывали страшным прокляти- ям, спасаясь от одних духов, молили у других, более сильных, защиты от напасти злых ёр.

— Запутанно все, но довольно интересно. А сам ты что думаешь по этому поводу?

— Знаете, рассказы о шаманах, которые я слы- шал, сами по себе не похожи друг на друга, все очень

необычные, своеобразные. Однажды я лично убе- дился в существовании потусторонней силы, и, уж поверьте мне, человеку с двумя университетами за плечами, я был в полной растерянности! Мои позна- ния в этой области оказались ничтожными, мне не удалось найти ни одного научного объяснения, да что там научного, простого толкования тому, что увидел!

— Может, расскажешь? Честно говоря, ты меня заинтриговал!

— Боюсь, могу показаться вам невежественным!

— Да ладно! Знаешь, когда меня сюда провожал один человек, он мне такого про эти дикие места наплел!

— Ну, места действительно дикие, красивые и бо- гатые: дичь, птица, рыба — всего вдоволь! Иногда я невольно задумываюсь о том, что будет с этим чудес- ным краем! Как бы мне хотелось, чтобы эту землю вообще не трогали, ведь она так хороша в своей пер- возданной красоте, а представьте, придет цивилиза- ция?! Поднимутся нефтяные вышки, леса разрежут просеки и карьеры! Птицы перестанут слетаться на лесные озера, поменяет пути миграции зверь, хариус уйдет из рек, а это, поверьте мне, катастрофа!

— Простите, кто уйдет?

— Хариус! Господи, да вы и про хариуса не слы- шали?! Это самая чистая рыба! Водится исключи- тельно в ледяной проточной воде здешних рек! А ка- кова на вкус! В сыром виде можно есть, слегка под- солил — и в рот! А закуска, я вам скажу!

— Хотя и не пробовал, верю на слово, но все же ты ушел от ответа. Как насчет истории! Расскажешь?

— Ну, раз уж я напросился к вам в попутчики, так и быть, расскажу! Только, если не возражаешь, вече- ром, на привале.

— Договорились. Буду с нетерпением ждать.

За разговорами время пролетело незаметно, не- даром говорят, в хорошей компании дорога вдвое короче. Вскоре спустились в лошину, прошли у под- ножия горы и поднялись на небольшой лысый холм. Здесь, преградив путникам дорогу, Темка повернул своего молодого скакуна. На его детском лице, еще недавно смешливым, не осталось и следа от прежне- го ребячества. Приподнявшись в седле, он указал ру- кой на высокую сопку, что темным силуэтом выри- совывалась вдаль, напоминая хребет доисториче- ского животного:

— Дедушка сказал, нам туда дотемна добраться надо. А пока велел коням дать отдохнуть, самим сил набраться чуток да перекусить.

Обедали втроем. Старый долган уединился непо- далеку и, устремив взгляд в бесконечную даль синей тайги, степенно потягивал трубку. Едкий серый та- бачный дымок укутывал лицо старца и, поднимаясь вверх, медленно растворялся в приближающихся су- мерках. Старика пригласили к столу, в ответ тот мно- гозначительно замотал головой и к бутербродам с за- кусками не притронулся.

— В тайге дед пищу только с огня ест, чтобы духов не злить! — пояснил Темка.

Минут через сорок тронулись дальше. К закату добрались до места и разбили лагерь. Дед с внуком, умело управляясь с топорами, поставили шалаш. Внутри застелили землю лохматыми еловыми лапами, а по верх раскинули оленьи шкуры. Семён с Владимиром развели костер и стаскивали дрова в одну большую кучу. Когда все было готово к ночлегу, долган пристроил над огнем котелок с ключевой водой и обратился к Володе на якутском. Темка, не дожидаясь, когда Черных переведет, поспешил сделать это сам:

— Дедушка говорит, что вам нужно спать. Мы супа сварим, поедим, а ночью вы нас смените и покупаете, хорошо?

— Хорошо, — ответил Семён, соглашаясь с решением проводника, потому как настолько вымотался за день пути, что едва держался на ногах. Он заполз в шалаш, примостился на мягкой шкуре и тут же отключился.

Часть III. Шаманская метка

— Вставай, наша смена! — прервал глубокий сон Семёна голос Владимира. — Понимаю, понимаю! В тайге сладко спится, как во хмелю, однако пора и честь знать. И так шесть часов дрыхнем.

— Не может быть! А мне показалось, не больше часа, — пробубнил тот в ответ.

Ночь уже вступила в свои права. Растеклась, бездонной рекой затопила низину и черной волной захлестнула тайгу. Семён взглянул на небо, покрытое вуалью из звезд, яркие и мерцающие, они переливались сотнями огоньков и казались так близко, что возникало желание прикоснуться к ним рукой. Шалаш заняли дед с внуком и вскоре дружно захрапели. Шалыгин подкинул в огонь сухих поленьев и присел рядом. Тишина, мирская благодать, и не слышно ничего, кроме потрескивающих в костре веток, с танцующими языками пламени.

— Сто лет так не спал!

— Неудивительно, — протягивая Семёну кружку с горячим чаем, согласился Черных. — В тайге человек один на один с природой! Возможно, именно поэтому он забывает обо всем плохом, как говорится, отпускает душу на волю! В такие минуты его злоба и ненависть бессильны против величия окружающего.

— Кстати, о душе! О! Кто-то... — с хитрецей намекнул Шалыгин.

— Я все прекрасно помню и обязательно расскажу, как и обещал, — уловив иронические нотки в голосе собеседника, отозвался Володя, — но только после того, как хорошенько поужинаю. Присоединяйтесь!

Плотно подкрепившись, попутчики прилегли у костра.

— Ну слушай, только внимательно, — начал Черных, — второй раз пересказывать не буду! Пару лет назад возвращалась наша экспедиция домой, дело было поздней осенью. Идти еще дней пять, а у нас, как назло, все припасы закончились, шаром покати, все выскребли. Думали дичью разжиться, но и тут невезуха, зверя в округе нет, будто выбили! Как быть? Тут, смотрим, на карте маленькое якутское поселение отмечено. Ну, всем табором туда заваливаться смысла нет, кто знает, что там за люди! Вот меня гонцом и отправили, я ж по-якутски разговариваю и обычаи местные знаю.

Поутру выдвинулся, остатки спиртику прихватил, с ним договариваться проще. В тайге якуты денег не берут, оно и понятно, зачем в глуши человеку бессмысленная бумага, им патроны, порох, спирт, табак подавай! Якуты не торговцы, как узбеки, нет пороха — и разговору нет! До места добирался около часа. Одна пожилая селянка посоветовала мне сходить на окраину, объяснила, что живет там зажиточный старик со своим семейством, только деревенские их стороной обходят, поговаривают, что они с нечистым знаются. Тут, сами понимаете, не до жиру, хоть к черту на поклон! Вот и пошел! Отыскал тот дом, такой, значит, высокий, рубленый из лиственки, сразу видать, что человек знающий ставил. Я к двери, стучу. Открыла мне девочка, кликнула мать, та и пригласила в дом. В комнате полумрак, окно занавешено, лучина едва теплится. Я с порога вырубайте, говорю, не дайте пропасть, ну и обрисовал наше незавидное положение! Рассказываю, а сам носом воздух вытягиваю — м-м-м — запах якутских оладий, врать не стану, слюнки побежали.

Несмотря на все, что я говорил ранее, якуты народ очень гостеприимный, пока гостя не накормят — не проводят, а коли в ночь зашел, и вовсе не отпускают! Вот давай хозяйка у печи суетиться, сначала поешь, говорит, а потом все остальное. Усадила меня за стол, выставила сметану, молоко, птицу, то ли куропатку, то ли рябчика, оладьи, одним словом — королевский ужин для моего высохшего от чагового отвара желудка. Напротив меня старик сидит, что-то из дерева вырезает, наверное, утку-манок, когда он на меня глянул, я чуть оладьей не поперхнулся! Представь себе, глаза у старого белые! Слепой он, понимаешь. Чувство, я тебе скажу, не из приятных! Я для храбрости спиртику выставил, налил, как и положено, себе, хозяину. Чокнулись мы с ним, осушили по чарочке. В доме жарко натоплено, гляжу, после второй старый повеселел и ко мне на русском, почти без акцента:

— Скажи, догор, каким цветом у тебя волос и есть ли борода?

— Ну, волосы, — отвечаю, — русые, — а чтоб ему понятно было, объясняю: — белые, и борода есть — рыжая.

Старик улыбнулся, попросил женщину трубку табаком набить, а сам опять за расспросы:

— Далеко ли путь держишь?

— Да, путь неблизкий, нужно в Якутск до холодов обернуться.

— А ответь-ка, белый волос, охотник ли ты? Или не дали тебе духи смелости на дикого зверя ходить?

— Ну, как это не дали! — обиделся я, но и прихвастнул слегка, не без этого: — Чтоб вы знали, я самый удачливый охотник! Вот было дело, заглянул как-то к нам на стан косолапый — похозяничал да в разнос пошел! Давай крушить все, так я с ним один на один вышел! Две пули в него выпустил, стал перезаряжать, да куда там, эта махина в один прыжок рядом очутилась! Слава богу, нож у меня всегда на поясе, без него бы худо пришлось! Так вот, изловчился я и вспорол мишке живот! Правда, и медведь в долгу не остался, меточку мне на память оставил.

Старик как-то радостно улыбнулся и поднял вверх три пальца:

— Три когтя? Три шрама в виде урасы, на правой стороне под лопаткой? Так тебя зверь пометил?

— А вы-то откуда знаете? — насторожился я.

Старик кликнул всех домашних и говорит: «Смиловались духи, приняли прошения мои, сами послали нам в руки спасение!»

Все семейство — три девочки, две девушки, парень, ну и, по всей видимости, дочь старика, самая старшая, та, что накрывала на стол, в один миг переменились. Радуются, смеются, толкуются вокруг меня, то ущипнут, то в глаза заглядывают! Правда, старик не дал им долго надо мной потешаться, разогнал по комнатам, а сам опустился на пол и давай что-то нашептывать. Я хоть и захмелел слегка, а все же соображаю, что-то здесь не чисто, однако решил дожидаться, когда дед закончит. Он так надымил в избе, что глаза слезиться начали, все бормотал что-то, только слов я не разобрал, не якутский язык, это точно, больше на эвенкийский похож, но я в нем, к сожалению, не силен. Ждать пришлось около часа. Старик поднялся, выглядел он усталым, но удовлетворенным.

— Сбылось предсказание черного шамана, будет снято проклятие с нашего рода! — после короткой паузы гордо произнес он.

Честно говоря, последние его слова мне совершенно не понравились. Ходили слухи, что остались еще кое-где жертвоприношения, правда, жертвуют скот, а впрочем, чем, думаю, черт не шутит, усну, а меня духам на ужин! Не очень приятная перспектива, поэтому я сразу же попросил старика объяснить. Тот меня понял, рассмеялся и, глубоко затянувшись табачным дымом, поведал мне свою историю:

— Происходил наш род из богатых якутских помещиков, обосновавшихся в Намском улусе. Жили мы хорошо, зажиточно. Отец одним из первых богачей слыл, уважение имел и почет! Удачно вел прибыльные дела на севере, а младшие отцовы братья под его началом работали. Дела шли в гору; как нельзя лучше складывалась торговля рыбой, пушниной. Однако прослышал отец про какие-то места, где рыба в реке тесно, а зверя в тайге чуть меньше деревьев,

и решил наведаться в те края, убедиться, что не впустую народ языками чешет. Семь дней его не было, а может, и больше, сейчас уж и не вспомню. А когда возвратился, закатил пир! Всю ночь он восторженно рассказывал родным про несметные богатства, что хранит природа. Рано утром отец велел братьям готовиться в дорогу. Подошел ко мне, потрепал за губы:

— Собирайся, боотур! Негоже мужчине у бабьей юбки отсиживаться, когда большие дела вершатся!

Через час на крепких коней погрузили поклажу и отправились осваивать новые земли. Мать была на четвертом месяце, отец обещал, что заберет ее, как только обустроимся. Уж как она отца упрашивала, чтоб меня оставил, только тот и бровью не повел.

К вечеру третьего дня добрались до места. Остановились в доме у зажиточного якута-скотовода. Всю ночь отец о чем-то с ним спорил, что-то упорно доказывал, лишь к утру оба утомонились и устало повалились на шкуры. Только первые лучи света проникли через маленькое оконце, я тут же подскочил. Выпил парного молока из берестяной чашки, наспех влез в свои одежды и, прихватив со стола большой кусок лепешки, выбежал на улицу.

Окинув взглядом алас, я увидел изгородь, на жердях которой, словно воробьи на ветках, расселись любопытные местные мальчишки. Они отнеслись ко мне с некоторой опаской, бросали в мою сторону косые взгляды и тихонечко шушукались. Мне тогда лет десять было, однако, как и подobaет купеческому сыну, и на русском говорил, и грамоте был обучен, потому и поглядывал на своих сверстников свысока. Тем более что и в силе, и в росте они заметно мне уступали. Я уже не говорю об их одежде, засаленной и заношенной! Похожая на обноски, она не шла ни в какое сравнение с моим кафтаном, украшенным узорами из цветного бисера. Детвора украдкой разглядывала резной якутский нож у меня на ремне, оно и понятно, многие из них впервые видели в своем улусе сына богатого тойона. Неподалеку от дома, у трех убранных резьбой коновязей стояли отец с братьями. Напротив, на траве расположились местные мужчины. Я быстро, как только мог, побежал к ним, словно соболю, заскочил на жердину и стал прислушиваться к словам отца.

— Да что вы имеете? Охотой живете? — прохаживаясь важно перед жителями улуса, громко и уверенно говорил отец. — Да знаю я эти ваши промыслы, вижу по высохшим лицам и детям-оборванцам. Жены ваши как старые клячи после третьего отела! Оглянитесь, кругом новая жизнь кипит, все движется вперед, а вы как в каменном веке живете! Даже ваши предки, смелые охотники, смотрят на вас из среднего мира и плюются! Русские люди принесли нам другую веру, она правильная, а вы невежественные мужики, губите себя, прозябая в нишете и поклоняясь духам! По моим сведениям, за прошлую зиму в вашем улусе умерло пятнадцать детей! А я вам дам лекарства для больных, порох, патроны, табак, водку, украшения для женщин! Ну, слово за вами!

Пора жить по-иному, кто построит мне дом, амбар и конюшню, будет в достатке!

Мужики переглядывались, пожимали плечами и опускали глаза, было видно, что многие из них сомневаются. Большинство жителей, выслушав речь отца, молча побрели к своим урасам. Желающих заработать осталось человек восемь. Они о чем-то спрашивали отца, но, как я ни старался, так и не смог расслышать.

— Здравствуй, уол тойон! — раздался позади чей-то писклявый голосок. Обернувшись, я увидел мальчика лет восьми-девяти, с загорелым лицом. Щурясь от ярких утренних лучей, на солнце он казался совсем черным. Я соскочил с изгороди и подошел к нему вплотную:

— А ты кто? Как зовут?

Мальчишка отпрянул назад:

— Отец не велел тебе своего имени говорить, он сказал, когда ты сделаешь меня богатым, тогда и будет у меня настоящее имя! А ты правда сын улахан тойона, который не боится разгневать духов горы? — Тут мальчик повернулся и указал тоненьким, как веточка, пальцем в сторону синеющей вдаль сопки. — Там, на холме, живет злой Ёр, никто не произносит его настоящее имя, которым нарекла его кровная мать. Его дух давно живет там, из улуса туда никто не ходит, рыбу не ловит, зверя не бьет, иначе он разгневется и заберет душу охотника!

— Он говорит правду! — подтвердил другой мальчик, постарше. — Твой отец сказал, шамана нет, что нас обманывали, чтобы держать в страхе! Но мой дедушка прожил много зим и помнит, что был черный шаман. Когда хотели его позвать, то жгли костер на заветном месте, он спускался на следующий день и заходил именно в ту урасу, где лежал больной. Почувяв смерть, шаман заказал деду резную коновязь с орлом! Дедушка отвозил ее и видел своими глазами, как тот построил себе урангас — лабаз на дереве, где собирался завершить свой земной путь и отправиться в другой мир! Шаман велел передать жителям: «Как померкнет в небе третья луна, не жгите более костры, взывая к моей помощи, ибо душа моя вернется в мир, в котором жила изначально!»

На третью луну жители ослушались наказа и развели костер! Но ни к утру, ни к вечеру старый шаман не спустился. Тогда поняли, что он умер, но забыли принести жертву! Когда сменилась луна, потом другая и ночью выпал снег, в каждой семье умер ребенок до двух лет.

Убитые горем родители увидели у своих жилищ медвежьи следы. Собрались боотуры, чтобы убить шатуна, отправились по следу. Только как подошли к подножию горы, опешили, след терялся на большом аласе, во владениях шамана. Просто раз — и исчез, будто растворился! Поняли охотники, что в облике медведя сам черный шаман приходил за своими жертвами, разгневанный тем, что ослушались люди, развели костер и потревожили его душу! Вспомнили,

что не поднесли ему в дар свежей крови молодого жеребца!

— А как на самом деле звали этого черного шамана? — нагло перебил я рассказчика. В ответ мои собеседники испуганно переглянулись и замахали руками:

— Тихо, тихо, настоящее имя вслух произносить нельзя, услышит он его, пробудится дух и придет за тобой!

После этих слов, сверкая босыми пятками, мальчишки бросились врассыпную, а на мое плечо грузно опустилась тяжелая рука отца. От неожиданности я вздрогнул, на что тот рассмеялся:

— Это что за боотур! За спиной никого не чуешь! Да я вижу, ты тут время зря не теряешь. Пойдем обедать, хозяин зовет на угощение! Сегодня сделка состоялась, завтра начинаем строить дом, до холодов должны управиться. А ты держи ухо остро с этой голытьбой, дружбы с ними не води, придет время, они станут твоими слугами, а ты их тойоном!

После обеда отец и братья отправились выбирать участок под строительство дома, я напросился с ними. Место на холме оказалось действительно хорошее, сверху открывался сказочный вид! Таёжная даль лежала как на ладони. Простираясь на многие километры, она превращалась в едва различимую дымку и таяла где-то далеко-далеко, у линии горизонта. Отец тем временем разметил землю и принялся спорить с рабочими. Доказывать, убеждать было в его характере, и я, улучив момент, когда взрослым стало не до меня, сполз с отцовского жеребца и, пригнувшись, проскользнул в лесок, на который мне указывала местная ребятня. Шагнув под темные своды хвойного леса, я словно окунулся в другой мир. Сердце мое сжалось при мысли, что босоногие бедняки могли не врать и злой дух вот-вот предстанет предо мной, гневно сверкая глазами и извергая огонь из огромной пасти с острыми, как ножи, клыками. Тут я вспомнил, как отец говорил мне, что я его наследник, будущий тойон! Значит, теперь это моя земля, чего же мне бояться!

Сжав рукоять маленького ножа, я гордо расправил плечи и уверенно направился вглубь леса. Пробираясь сквозь густой валежник, я наткнулся на узкую тропу, что петляла меж высоких стволов. Через какое-то время она вывела меня на небольшую поляну, на другом конце которой я увидел ветхую урасу. Она одиноко стояла в тени вековых елей, которые склонили над ней свои пушистые лапы, словно оберегая от дождей и палящих лучей солнца. Я огляделся по сторонам, прислушался. Лишь ветер тихо перешептывался в верхушках деревьев и гнал по небу одинокие облака. Осторожно ступая, я направился к жилищу, но едва я прикоснулся к толстому пологу из шкур, чтобы откинуть и войти внутрь, как в голове раздался пронзительный свист! Он нарастал и с каждой секундой становился все сильнее, от нестерпимой боли я закрыл глаза и словно прова-